

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-2-306-324

EDN: MYRGAC

Научная статья / Research article

Воображая российскую нацию: кто, с точки зрения жителей России, является частью российского общества и можно ли стать его частью?

Е.А. Варшавер^{1, 2, 3} , Н.С. Иванова^{1, 2} , Т.Д. Егорова²

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Российская Федерация

² Группа исследований миграции и этничности, Москва, Российская Федерация

³ Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Российская Федерация

 varshavere@gmail.com

Аннотация. Представлены результаты исследования, посвященного представлениям жителей России о членстве в российской нации/российском обществе. Эти представления были эксплицированы посредством интервью (100) и фокус-групп (40), проведенных в 5 регионах России. Основным методологический прием исследования состоял в том, что вопросы задавались о членстве в российском обществе и возможности вступления в него разного типа мигрантов, и за счет ответа на этот вопросы эксплицировались представления о принципах членства в российской нации/российском обществе в целом, в том числе применительно к тем, в отношении кого этот вопрос обычно не ставится. Согласно результатам, есть два типа членства: «органическое» и «приобретенное». «Органическое» членство атрибутируется общественным сознанием тем, кто родился в России и/или чьи родственники по восходящей линии родились в России. Последняя характеристика часто обобщается с помощью национальных категорий, в результате чего наиболее типичным членом российского общества является русский, родившийся в России, однако в «органическом» членстве в российском обществе не отказывается и представителям «народов России». Они, впрочем, являются менее типичными представителями российского общества. Эта совокупность конструктов, кроме того, различается в «национальных» регионах России и не имеющих такой специфики. «Приобретается» членство в российском обществе посредством удовлетворения ряду критериев, в частности — знание российской (и/или региональной) культуры, желание принадлежать к российскому обществу и проч. Можно, однако, совершить по-разному понимаемый подвиг и не соотнобразовываться с этими критериями. Люди с «приобретенным» членством, кроме того, могут перестать быть частью российского общества, что

© Варшавер Е.А., Иванова Н.С., Егорова Т.Д., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

практически исключено в случае «органических» членов, если только они не совершат «предательство». Результаты помещаются в контекст исследований гражданства, и делается предположение, что описанные в статье конструкты являются источником института гражданства, а не наоборот, а также в контекст когнитивного поворота, происходящего в настоящий момент в исследованиях этничности.

Ключевые слова: этничность, нация, конструктивизм, воображение, российское общество

Благодарности: Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда (проект РНФ № 22-78-10038) «Когда мигранты становятся местными? Представления об интеграции мигрантов, распространенные среди представителей принимающего общества». Авторы статьи выражают благодарность Ю.В. Гупаловой, А.А. Орловой и И.С. Савину за участие в сборе данных; сотрудникам Центра гуманитарных исследований Министерства культуры Республики Башкортостан Р.М. Каримовой и Р.Р. Яппаровой, доценту Исторического факультета Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова А.И. Яковлеву и доценту кафедры социологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова В.В. Загребину за помощь с организацией сбора данных.

Для цитирования: Варшавер Е.А., Иванова Н.С., Егорова Т.Д. Воображая российскую нацию: кто, с точки зрения жителей России, является частью российского общества и можно ли стать его частью? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 2. С. 306–324. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-306-324>

Imagining the Russian Nation: Who, According to the Residents of Russia, Constitute Russian Society, and Can an Outsider Become its Member?

Evgeni A. Varshaver^{1,2,3} , Nataliya S. Ivanova^{1,2} , Tatiana D. Egorova²

¹ *Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation*

² *Group for Migration and Ethnicity Research, Moscow, Russian Federation*

³ *Higher School of Economics University, Moscow, Russian Federation*

 varshavere@gmail.com

Abstract. This article presents the outcomes of a study that investigates the perceptions among residents of Russia regarding their membership in the Russian nation or society. The study employs interviews (100) and focus groups (40), carried out across five regions of Russia, as its primary data collection methods. The key methodological approach was to pose questions about societal membership and the integration of various migrant types into Russian society, thus revealing underlying beliefs about the criteria for belonging to the Russian nation or society. This approach was especially insightful for understanding perceptions about groups that are typically not questioned about their societal membership. The study identifies two distinct types of societal membership: “organic” and “acquired”. Organic membership is socially ascribed to individuals born in Russia or those with ancestors born in Russia. This category often overlaps with national identity, rendering ethnic Russians born in Russia the quintessential members of Russian society. However, organic membership is not exclusively reserved for ethnic Russians; it extends to other ethnic groups considered part of “the peoples

of Russia”, though they are seen as less typical members. Interestingly, the perception of these membership categories varies between regions with distinct national identities and those without such distinctions. Acquired membership, on the other hand, is contingent upon fulfilling specific criteria, such as familiarity with Russian (or regional) culture and a desire to be part of Russian society. Exceptionally, notable achievements can override these criteria. Unlike organic members, individuals with acquired membership can lose their societal status, except in cases of betrayal, which is nearly impossible for organic members. The findings are contextualized within citizenship studies, positing that the described constructs serve as a foundation for the institution of citizenship rather than the converse. Additionally, the study contributes to the ongoing cognitive turn in ethnicity research, offering new insights into the conceptualization of national and societal belonging.

Keywords: ethnicity, nation, constructivism, imagination, Russian society

Acknowledgements: The study is supported of a grant from the Russian Science Foundation (project No. 22-78–10038) “When do migrants become local? Ideas about the integration of migrants, common among representatives of the host society.” The authors of the article express their gratitude to Yu.V. Gupalova, A.A. Orlova and I.S. Savin for their participation in data collection; to the staff of the Center for Humanitarian Studies of the Ministry of Culture of the Republic of Bashkortostan R.M. Karimova and R.R. Yapparova, Associate Professor of the Faculty of History of the Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov A.I. Yakovlev, and Associate Professor of the Department of Sociology of Yaroslavl State University The University named after P.G. Demidov V.V. Zagrebin for help with the organization of data collection.

For citation: Varshaver, E.A., Ivanova, N.S., & Egorova, T.D. (2024). Imagining the Russian nation: Who, according to the residents of Russia, constitute Russian society, and can an outsider become its member? *RUDN Journal of Political Science*, 26(2), 306–324. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-306-324>

Введение

Хотя долгое время исследования этничности и исследования национализма развивались параллельно, почти не пересекаясь, теория этничности «после когнитивного поворота» [Brubaker, Loveman, Stamatov 2004] все отчетливее приходит к тому, что в той мере, в какой этничность — это классификаторный феномен, национальное — это этническое на глобальном уровне, или, проще говоря, нации — это те же этнические категории, но классификация, в рамках которых они существуют, носит глобальный характер и очерчивает все человечество [Wimmer 2013].

В этой связи значительный инструментарий, накопленный в исследованиях этничности, оказывается возможно «опрокинуть» и на «нации», которые до настоящего момента изучаются преимущественно в группистском ключе. Даже при том, что символом конструктивизма в исследованиях этничности является работа «Воображаемые сообщества» Б. Андерсона, посвященная нациям и национализму, до сих пор в их фокусе редко оказывается процесс и результат категоризации (а значит — и правила, согласно которым осуществляются эти категоризации), а типичным их объектом являются коллективные *imaginaries*

некоторого фиксируемого и редко обсуждаемого множества людей, «осознающих» свою «общность» посредством разного рода инструментов (классическая триада «перепись — карта — музей»). Однако представление о том, что такие *imaginaries* могут существовать только в связи с такими же *imaginaires* относительно «соседних» наций и что все эти образы — наряду с образами, в которых эти нации рядопологаются, среди которых флаги, развевающиеся над штаб-квартирой ООН, или чемпионат мира по футболу, — присутствуют в литературе, посвященной национализму, значительно реже.

Когнитивный, классификаторный поворот в исследованиях этничности применительно к нациям и национализму позволяет, кроме того, изменить ракурс на такое явление, как членство в нации, которое в литературе чаще всего оказывается тождественно гражданству, однако в той мере, в какой этничность — это перманентное классифицирование людей, и, соответственно, «скрипты» и представления, позволяющие отнести одних людей к одной категории, а других к другой — переописывается и природа членства в национальных категориях. В этом ракурсе это не гражданство как таковое, а вернакулярные представления людей о членстве в национальных категориях, о природе этого членства, а также о правилах его «выдачи» и «отзыва».

В этой статье — на обширном полевом материале — демонстрируются коллективные представления жителей России о членстве в российской нации/российском обществе, при этом основным инструментом, посредством которого эти представления выявлялись, стали вопросы про мигрантов и их возможность «стать частью российского общества». Такой — оригинальный — подход позволил идентифицировать до того редко обсуждавшиеся в российской литературе на эту тему представления простых людей о границах российского общества, правилах в нем нахождения и — в конечном счете — о его природе. Этот подход до того не использовался в таком преломлении в связи с тем, что напрямую задавать такие вопросы бессмысленно, и только косвенные вопросы типа: «Может ли мигрант с такими-то характеристиками стать частью российского общества и что ему для этого надо?» — позволяют пролить свет на этот вопрос.

В целом, таким образом, переписание национального как классификаторного феномена (что сразу же ставит вопрос о правилах отнесения к той или иной категории и — эмпирически — «тянет за собой» вопрос включения мигрантов в общество) является теоретико-методологической инновацией в исследованиях «российской национальной идентичности». Ниже будет представлен более подробный теоретический контекст и, в частности, будет описан идущий в данный момент когнитивный поворот в исследованиях этничности, переописывающий объект исследований и стягивающий в единую рамку племена, этнические группы, расы и нации, затем описана методология исследования, осуществленного в 5 регионах России методами глубинного интервью (100) и фокус-групповой дискуссии (40), затем приведены основные результаты и описаны представления людей о российском обществе, затем — показано, как эти результаты ложатся в канву соответствующих

международных исследований, и продемонстрировано, что представления о российской нации на международном фоне — достаточно гибкие и инклюзивные.

Перед этим, однако, необходимо сделать одно теоретико-методологическое пояснение, объясняющее, почему в статье понятия «российское общество» и «российская нация» концептуально рядопологаются и синонимизируются. Согласно используемому подходу, который будет подробно описан в следующих разделах, современная социальная наука постепенно отказывается от концептуализации социальных агрегатов, вставая на позиции так называемого методологического индивидуализма. В результате такие понятия, как «нация» и «общество», перестают использоваться в научных описаниях реальности и из концептуального объекта исследования переходят в разряд элемента изучаемой дискурсивной реальности. Иначе говоря, ранее социальные науки изучали нации и общества как реально существующие вещи, теперь они изучают их как элементы описания реальности простыми (и непростыми) людьми. Согласно результатам пилотной части исследования, для информантов идеи нации и общества были в значительной степени рядоположены, использовались взаимозаменяемо и очерчивали сходный круг менее абстрактных явлений. При этом, в сравнении с «российской нацией», словосочетание «российское общество» им было понятнее и было в большей степени «вплетено» в их описания реальности. В той мере, в какой было необходимо принять решение об одном словосочетании, которое должно было стать триггером для обсуждения, — было решено использовать словосочетание «российское общество». Это, однако, не означало, что обсуждается именно «российское общество» — это означало, что обсуждается семантическое поле, описывающее разнообразные идеи вокруг элементов глобальной классификации по обществам/странам/нациям, и именно в этом и состоит базовый, сознательный теоретико-методологический принцип, который используется в этой работе. В этой же связи используется категория «членства». В той мере, в какой информанты и участники фокус-групп в понятном для себя режиме говорили об «обществах», в той же мере они — в режиме взаимозаменяемости — говорили о возможности стать «членом»/«частью» российского общества. Этот вернакуляр был включен в гайд интервью, вокруг него строилось обсуждение, и затем — он был вынесен в название.

Теоретическая рамка и обзор литературы

Долгое время исследования национализма и этничности лежали в разных теоретических и дисциплинарных плоскостях, и атеоретичный ассоциативный ряд связывал первые с государством, а вторые — с внутригосударственными различиями. В некотором смысле эти явления стали пересекаться в связи с работами Энтони Смита, заявившего об «этнических корнях наций», однако это не было теоретической конвергенцией в полном смысле

слова [Smith 1986]. В этот период, кроме того, и в том и в другом направлении исследований доминировал группистский подход, в рамках которого в качестве объекта исследования заявлялись по-разному называемые общности — нации или этнические группы. Конструктивистский подход в социологии, связываемый в первую очередь с именами Джорджа Герберта Мида [Mead 1934], Питера Бергера и Георга Лукманна [Бергер, Лукман 1995], однако, во-первых, напрямую восходящий к классической европейской социологии начала XX в., а во-вторых, являющийся производной от работ целого сонма послевоенных социологов (самым крупным из которых можно считать Пьера Бурдьё [Bourdieu 2018]), стал проникать в исследования этничности и национализма начиная с 1960-х. В рамках исследований этничности ключевой фигурой стал норвежский антрополог Фредрик Барт [Barth 1998], выпустивший в 1969 г. сборник статей «Этнические группы и границы», для вторых сакраментальным стал 1983 г., когда вышло целых три крупные работы, посвященные нациям и национализму и написанные с конструктивистских позиций: «Нации и национализм» Эрнста Геллнера [Геллнер 1991], «Изобретение традиции» Эрика Хобсбаума и Теренса Рейнджера [Hobsbawm, Ranger 2012], но прежде всего «Воображенные сообщества» Бенедикта Андерсона [Anderson 2006].

В этих исследованиях в фокусе оказывались механизмы и способы воображения этнических общностей и прежде всего — в русле дюркгеймианской традиции — символы, вокруг которых организовано это воображение. Позже в социологический обиход вошел концепт *imaginary*, до настоящего момента не переведенный адекватным образом на русский язык, но обозначающий объекты разного рода, посредством которых воображаются общности, лучшей иллюстрацией (и, скорее всего, источником) чего стала известная «триада» Андерсона: перепись, карта, музей. Нации в этой логике существовали, однако, в отрыве одна от другой и таким образом и изучались. Работы Роджерса Брубекера [Brubaker 2006], опубликованные в начале 2000-х, а также его последователей [Wimmer, Glick Schiller 2002] заставили проблематизировать объект исследований этничности и национализма.

Если нации и этнические группы — плод воображения, не являемся ли мы «рабами» этого воображения и не следует ли сместить фокус на другие, более существенные вещи. Какие? Рецепт был найден в когнитивных исследованиях, по многим важным вопросам сходящихся с социологическим конструктивизмом. В фокус исследований оказались помещены категории и сам процесс категоризирования [Brubaker, Loveman, Stamatov 2004], который — за счет действия социальной машинерии — реифицирует, овеществляет для человеческого сознания продукты категоризации и люди начинают «верить» в нации и этнические группы. Последние 15 лет все больше крупных ученых из области социальных наук на этих основаниях приходят к выводу, что не существует отдельной этнической, национальной или расовой реальности, а существует перманентная категоризация других людей по типам, которая по-разному в разных местах и контекстах

институционализируется, а результаты этой классификации оказываются доступны под разными «лейблами»: нации, этнические группы, расы и проч. [Wimmer 2013; Chandra 2012]. В общий фокус же исследований должны быть помещены как процесс категоризирования, так и категоризация как его результат. В том числе в этом и состоит «когнитивный поворот», частью провозглашенный, частью — диагностированный Брубекером, который концептуализируется сейчас и в российской науке [Варшавер 2023]. Когнитивный поворот в исследованиях этничности позволяет обратить внимание на до того находившиеся в тени явления. Одно из этих явлений — правила членства в этнических категориях, и в частности в нациях. До того эти вопросы ставились в области, которую можно обозначить как исследования гражданства [Isin, Turner 2002], и, фокусируясь на формальных правилах членства, эти исследования почти не касались представлений рядовых членов общества о природе и критериях этого членства. В той мере, однако, в какой этничность — это категоризация, в которую призваны поверить и которую призваны научиться осуществлять простые люди, поскольку именно наличие тех или иных представлений в их сознании и является индикатором существования тех или иных феноменов — именно эти, вернакулярные, представления и должны стать приоритетным объектом анализа. А в той мере, в какой этничность — это классификаторный феномен, в фокус должны быть помещены вернакулярные представления о членстве, потому что именно они и руководят реальным, а не формальным отнесением людей к нации или отказу от квалификации людей в качестве ее членов. Исследования, которые бы следовали этой логике, в международной науке встречаются редко, в российском же поле — богаты на исследования в том числе и представлений о российской нации [Тишков 2008; Дробижева 2020], выполненные в конструктивистском ключе, — исследований вернакулярных концепций членства в нации обнаружить не удалось. Этим объясняется новизна осуществленного исследования.

Методология исследования

Ключевой методологический ход исследования состоял в том, чтобы для исследования представлений «местных» о природе и критериях членства в российской нации — обратиться к их представлениям об интеграции мигрантов в российское общество. Расчет состоял в том, что разговоры о возможности членства в обществе мигрантов неизбежно выйдут на тему членства в обществе вообще, что эти представления будут, как минимум частично, «фреймированы» в национальных терминах, и таким образом можно будет реконструировать разнообразие представлений о нации и членстве в ней. Этот подход контрастирует с в основном используемыми подходами для исследования вернакулярных концепций национального, где в фокусе находятся различные символы, организующие представление о нации простых людей.

Исследование было осуществлено в 5 регионах России, методами, использовавшимися для сбора данных, были интервью и фокус-групповые дискуссии, работа с уже собранными данными осуществлялась посредством осевого кодирования и дискурс-анализа. Всего было собрано 100 интервью и проведено 40 фокус-групповых дискуссий. Регионы, включенные в исследование, были следующие: Москва, Ярославская область, Свердловская область, Республика Саха (Якутия) и Республика Башкортостан. Выборка регионов осуществлялась исходя из предполагаемых различий в представлении о членстве в российской нации между многонациональной столицей, регионами, в которых численно и символически доминирует русское население, и «национальными» регионами. Внутри региона осуществлялась выборка населенных пунктов, в рамках которой в модельном случае бралась столица, малый город и сельский населенный пункт.

Информанты для интервью и участники фокус-групп рекрутировались разными способами — через интернет, с помощью рекрутеров, методом «снежного кома», а также на улицах и в торговых центрах. Для их отбора использовались квотный метод (пол, возраст, этническая идентификация), а также метод максимального разнообразия по указанным и иным критериям. Среднее количество участников фокус-групп составило 8 человек, средняя длительность фокус-группы составила 93 минуты, средняя длительность интервью составила 25 минут.

Гайд интервью и сценарий фокус-групп тематически совпадали. Среди ключевых тем, присутствовавших как в интервью, так и в фокус-группах, были, во-первых, отношение к мигрантам, во-вторых, возможность включения в российское общество новых членов, в-третьих, атрибуты, которые облегчают/осложняют/делают невозможным такое включение, в-четвертых, правила и «маршруты» такого включения. Кроме того, информантам предлагались виньетки — «портреты» людей, в отношении которых нужно было вынести суждения, является ли изображенный на них частью российского общества и почему.

Все интервью фиксировались на аудионоситель, все фокус-групповые дискуссии фиксировались на видео- и аудионосители, все записи транскрибировались. Транскрипты были перенесены в программу для анализа качественных данных Atlas, в этой программе была создана система кодов, позволявшая выделять тематические фрагменты. Фрагменты анализировались авторами статьи, и ниже представлены результаты этого анализа.

Перед тем как перейти к описанию результатов, однако, необходимо сделать важное теоретико-методологическое замечание. Само по себе словосочетание «российская нация» является менее распространенным элементом актуального дискурса интервьюируемых, чем словосочетание «российское общество». В случае когда «российская нация» оказывалась в языке информантов, это понятие и понятие «российское общество» оказывались рядоположены и взаимозаменяемы примерно в следующем ключе: *«То есть, что значит влиться в российское общество? Стать частью, наверное, российского социума, российской нации» (м, 24, Дуртюли, РБ).*

В результате гайд интервью и сценарий фокус-групповой дискуссии строились вокруг словосочетания «российское общество». Это оказалось хорошим решением: сочетание «российского общества» и «мигрантов» в формулировке проблемы в большинстве случаев этнизировало дискуссию и позволяло напрямую и в удобном для информантов ключе выйти на вопросы членства в российской национальной категории. Последняя, однако, в языке информантов могла звучать по-разному — «россияне», «русские» и проч. Это было ожидаемо — и из теоретических соображений, в рамках которых люди общаются посредством символов (в частности — слов), которые означают разное для разных людей, однако это не является ограничением для коммуникации, и из соображений эмпирических — в российском контексте нет урегулированности терминологического ряда, связанного с обозначением российской общности/общества.

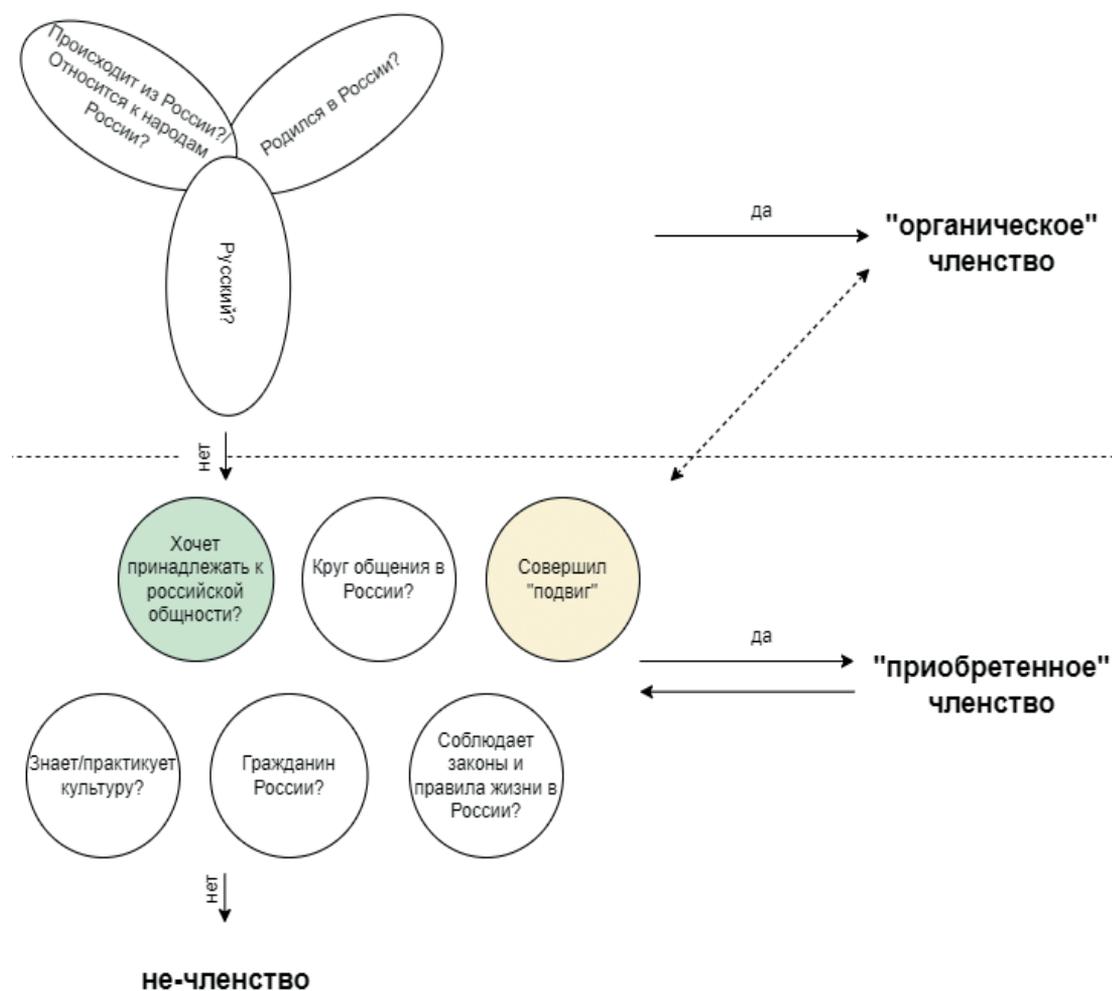
Результаты исследования

Анализ показал, что российское общество и членство в нем конструируется участниками исследования посредством двух рядов критериев. Первый ряд критериев отделяет людей, обладающих «органическим» членством в российском обществе от всех остальных, второй — применяется ко всем людям, не являющимся «органическими» членами российского общества, которые, удовлетворяя им, также могут стать частью российского общества, но такое членство будет иного порядка, нежели «органическое» (в рамках исследования оно получило название «приобретенное»), и то, насколько они удовлетворяют этим критериям, будет продолжать «проверяться» на протяжении их жизни. Второй ряд критериев по умолчанию не используется для оценки членства в российском обществе «органических» его членов, однако, если некоторые из этих критериев явственно нарушаются, «органическое» членство может быть «отозвано». Факт классификации человека как «органической» части российского общества или носителя «приобретенного» членства влияет на отношение и практики в отношении соответствующего человека и является имплицитной частью конструкции этничности в России. Более того, как первый, так и второй ряд критериев — в разной степени и в разном смысле — оказываются конституирующими для конструкта «российское общество». Представим ход мысли информантов в виде схемы (рис.) и разберем основные ее компоненты.

«Органическое» членство

Членством в российском обществе, не вызывающим сомнений ни у кого, обладают люди, удовлетворяющие одновременно двум критериям — «родился в России» и «русский». Русские, родившиеся в России, — это своего рода ядро российского общества, с точки зрения информантов. Прямых текстовых указаний на это мало, потому что интервью и дискуссии были

посвящены различным маргинальным случаям, но иногда — «от обратного» — информантами формулировались следующие мысли: «...Но факт есть факт — они родились в России, в русской семье, они говорят по-русски, они являются русскими. И отказать им (в членстве в российском обществе. — Прим. авт.) только потому, что у них какое-то самоощущение есть — ну, это было бы неправильно» (м, 25, М¹).

Критерии членства в российском обществе
Источник: составлено автором.

¹ Здесь и далее используются следующие сокращения регионов: М — Москва, РБ — Республика Башкортостан, СО — Свердловская область, ЯО — Ярославская область, РСЯ — Республика Саха (Якутия)

В отдельности эти критерии также могут отсылать к «органическому» членству, однако здесь такого однозначного консенсуса уже не наблюдается, и герой одной из виньеток — русский, родившийся в Латвии и учащийся в России в университете — одними информантами однозначно классифицировался как часть российского общества, другие же уточняли, насколько он планирует жить в России после окончания учебы, отчего его членство переставало быть естественным и однозначным: *«Так как он приехал на учебу, но не ради того, чтоб отучиться и обратно уехать туда. Он, скорее всего, приехал, чтобы приехать, получить российское образование и дальше здесь уже прожить. Скорее всего, так. Тогда можно» (м, 35, Уфа, РБ).*

Несколько различалась ситуация в зависимости от этнической принадлежности говорящего и типа региона, где проводилось интервью или фокус-группа. В «национальных» регионах, и, если информант/участник фокус-группы не относится к категории «русский», в связке «русский — родился в России» в качестве индикатора «естественного» членства критерий «русский» дополняется/заменяется критерием «относится к народам России»: *«У нас же есть такие республики, вот даже Республика Саха-Якутия, да, можно и ее тоже, вот Республика Дагестан, Республика Саха-Якутия, там Черкесия, да, Чечня, допустим, Ингушетия. Это республики с очень яркой национальной колоритностью. Там есть свой язык, правила поведения. И вот они же тоже часть российского общества, они интересные, они говорят и на своем языке, и на русском языке» (ж, 30, Алдан, РСЯ).*

Это «относится к народам России», и в целом национальный нарратив, скорее всего, является выражением более общей идеи, согласно которой «органической» частью российского общества являются люди, родственники которых по восходящей линии родились в России. Если родители, дедушки/бабушки и далее предки человека родились в России, а сам человек — нет, полностью из российского общества он не выпадает, а «народы России» — это «прокси», индикатор того, что кто-то из этих родственников родился и жил в России.

Модератор: Можно ли считать Эдуарда частью российского общества? <...>

Участник 1: Родители русские. Он же живет, общается, собирается работать официально.

Участник 2: У него есть желание, у него корни есть. Если у него родители русские, почему нет?

(ж, 42, ж, 38, Ишимбай, РБ)

Русские же в этом отношении — это те, родственники кого по восходящей линии без сомнения родились и жили в России, и именно такая интуиция и руководит распространенным представлением о том, что герой винетки, родившийся в Латвии, — часть российского общества. В целом, однако, в рамках той же логики, ни у кого не вызывает вопросов членство в российском обществе якутов, башкир и представителей прочих «народов России» в случае, если они родились в России. Вероятно, впрочем, что якута, родившегося в другой стране, будут реже классифицировать как часть российского общества именно в связи

с тем, что ассоциация «якуты — Россия» является менее стереотипической, чем «русские — Россия». Однако вероятно и то, что о нем будут уточнять, насколько он «происходит» из России, и, если да, классифицировать его в качестве части российского общества. Это, впрочем, вопрос дальнейшего исследования.

Верно, однако, и то, что как будто бы все те, кто не соответствует идеальному типу «русский, родившийся в России», в части воображения российской общности, в целом будут выпадать из ядра конструкта «российское общество», и даже если человек родился в России и относится к «народам России», в «русских» регионах народное сознание в меньшей степени будет относить его к российскому обществу, нежели в «национальных»². И в этом отношении к таким людям будут применяться критерии членства другого порядка, характерные для тех, кто не «родился» в российском обществе, но как бы «постучался» в него в рамках тех или иных жизненных сюжетов. Об этих критериях будет сказано во второй части результатов, здесь же важно подытожить, что «естественное» членство в российском обществе отводится общественным сознанием людям, которые родились в России русскими или (в меньшей степени это характерно для «национальных» регионов) представителями «народов России». Случаи, которые не вписываются в эти критерии полностью, оцениваются частью на их основании, частью — на основании другого набора критериев, о которых будет сказано ниже.

«Приобретенное» членство

«Органическое» членство, как было показано выше, не является в чистом виде членством по рождению, потому что, с точки зрения информантов, можно быть «частью российского общества» и не родившись в России и, в свою очередь, общественное сознание не «выдает билет» в органическое членство просто по факту рождения, примером чего могут быть мигранты второго поколения, то есть дети тех, кто не родился в России.

[Конец обсуждения виньетки про Алибека] ...Если даже они станут [частью российского общества], я думаю, только в третьем поколении. Мне так кажется, ну мое мнение.

(м, 63, Ирбит, СО)

Тем не менее в общественных представлениях существует и другой тип членства в российском обществе, который был обозначен как «приобретенный». Этот тип членства может быть применен к тем, кто не является «органической»

---

² Хотя большинство информантов и участников фокус-групп принимали конструкт «российское общество», который предлагался им исследователями, в «национальных» регионах, а также информанты и участники фокус-группы, не относившие себя к категории «русские» иногда проблематизировали этот конструкт, говоря о том, что российского общества как такового не существует, а существуют региональные общества, различающиеся между собой и имеющие собственные правила членства и вступления.

частью российского общества, но в отношении кого по тем или иным причинам вопрос о членстве в российском обществе может встать. Прежде всего речь идет о по-разному определяемых мигрантах. Не обладая безусловными критериями членства, описанными выше, такие люди базово не включаются информантами в «российское общество», однако удовлетворение нескольким критериям из перечисленных ниже может сделать такого человека частью российского общества, с точки зрения информантов. Эти критерии также указаны на схеме. Приведем для каждого иллюстрацию из нарративов информантов/участников фокус-групп.

Знает и практикует культуру: *«Один из признаков принадлежности к обществу, является владение культурой и языком. Если он не знает языка, он не может быть нашим»* (м, 65, Ярославль, ЯО).

Является гражданином России: *«Если получит паспорт или документ, он будет частью Российской Федерации. А если нет, то нет»* (м, 60, 1-й Хомустанский Наслег, РСЯ).

Есть круг общения в России:

Модератор: Он влился в российское общество, по вашей версии?

Участник 1: Да, да.

Модератор: А за счет чего?

Участник 1: За счет того, что он ведет активную жизнь именно с русскими, не закрываясь с другими экспатами. То есть он общается с русскими, он ведет тот же самый образ жизни, который ведем мы...

(ж, 39, М)

Соблюдает российские законы и правила жизни в России: *«Конечно, если он так подумал жить к нам приехал, к нам он должен с нами считаться, с нашими правилами, законами <...> Но главное, самое главное, доча, я не люблю непорядок, непорядочные были. А чтобы закон соблюдали, тогда почему бы нет? Пускай живут»* (ж, 75, Якутск, РСЯ).

Хочет жить в России/быть частью ее общества: *«Вы поймите, интеграция отдельного человека в новое общество возможна, если он в этом заинтересован. Он в этом заинтересован, когда он попадает в чужое общество и хочет в нем укорениться»* (м, 36, Екатеринбург, СО)».

Каждый из этих факторов «работает» в рамках следующей логики: да, изначально человек не является частью российского общества, но если он живет в России и знает язык, соблюдает правила общежития и законы, круг общения его в России, и он эксплицитно хочет жить в России, — он может стать/фактически является частью российского общества. Важно также отметить, что ни одно из этих условий не является врожденной, неизменяемой характеристикой. Специально для выяснения того, может ли человек, относящийся в представлениях людей к небелой расе, быть полноправным членом российского общества, в исследование была введена виньетка, главным героем которой был чернокожий житель региона, в котором проводилось исследование (Москвы в Москве, Якутии в Якутске и проч.) и который родился в России, знает русский

язык наравне с местными и по прочим критериям от них не отличается. Для абсолютного большинства герой виньетки был несомненной частью российского общества. Если бы он не родился в России и его ближайшие родственники по восходящей линии также родились бы в другой стране, стать частью российского общества он все равно смог бы, удовлетворив описанной совокупности условий. В этом смысле, таким образом, российское общество в какой-то мере инклюзивное, потому что не ставит непреодолимых барьеров на входе, в какой-то — эксклюзивное, потому что барьеров много, и далеко не все они могут быть преодолены только за счет желания.

Важно, однако, что в представлении жителей есть «ускоренный» путь к членству, не предполагающий обязательного удовлетворения прочих условий. Этот путь можно обозначить как «подвиг». Если не-член российского общества осуществит некоторое выдающееся действие «во благо» и «во имя» общества, к нему не будут применяться другие критерии членства для базово нечленов российского общества, желающих стать таковыми. Воспроизводились случаи, когда таким действием было участие в военных действиях в Украине: *«То есть, я думаю, что, наверное, чернокожему достаточно сложно искренне стать частью русской культуры. Но при этом, безусловно, в каких-то обстоятельствах, в каком-то отдельно взятом случае, он может это сделать. Потому что опять-таки главное — это величие духа и понимание того, что такое жизнь, и как можно жить. <...> Даже я знаю, что у Пригожина воевал чернокожий и погиб героически. Поэтому... Почему он не русский? <...> Безусловно. То есть, я думаю, что русский человек — это, прежде всего, готовность помочь в любой ситуации»* (м, 19, М).

Прекращение членства

Важно, кроме того, что, в отличие от «естественных» членов общества, «приобретенное» членство, согласно проанализированным представлениям, можно потерять, если человек перестанет удовлетворять некоторым критериям. Скажем, если человек с приобретенным членством уезжает из страны — через некоторое время он перестает быть частью российского общества.

Интервьюер: Понятно. Но для нас он должен что-то строить. То есть, он часть российского общества, правильно? Пока он здесь работает.

Информант: Да... На то время, пока он работает, он является частью.

(м, 52, Ярославль, ЯО)

То же касается нарушения закона — вряд ли конкретные люди, которые говорят о необходимости депортировать мигрантов, нарушивших законодательство, это те же люди, которые считают, что мигранты, работающие в России, — это часть российского общества, однако депортация как санкция для преступивших закон — это элемент общей логики дифференциации между «органическим» и «приобретенным» членством, частью которой является исключение из общества людей, приобретших членство, а затем совершивших преступление.

Участник 1: Неправильно сделал — пожалуйста, домой обратно.

Участник 2: Не надо их здесь оставлять, не нужно, зачем нам их кормить, зачем нам тратить деньги из бюджета?

(ж, 44, ж, 27, Ирбитский район, СО)

«Органическое» же членство посредством уезда или нарушения законодательства не потерять — даже преступники, осужденные на долгие сроки, остаются частью российского общества. Единственное, как, с точки зрения информантов, можно перестать быть частью российского общества, если человек в нем родился, — это или эксплицитно перестать хотеть быть его частью, или совершить действие, идентичное по модальности подвигу, но обратное по знаку, — предательство. Неудивительно, что в качестве примеров, которые приводились и обсуждались информантами, были известные люди, заявившие о своем несогласии с российской политикой и уехавшие из страны. В той мере, в какой это рассматривалось информантами как предательство, — в некоторых случаях это также рассматривалось как прекращение членства в российском обществе.

Участник 1: Нет, он не будет для меня частью моего общества. Если он уехал в тяжелое время из своей страны, он для меня останется никем.

Участник 3: И вот они приедут, и ты им скажешь потом... Ты не член моего общества?

Участник 1: Нет, я не буду его пускать. Нет.

(ж, 44, ж, 46, Дюртиули, РБ)

Впрочем, иногда даже в подобном случае такие люди оставались частью российского общества в представлениях информантов.

Модератор: Все про нее знают, поэтому очень легкий пример. Алла Пугачева для вас часть российского общества или нет?

Участник 1: Не знаю. Да, она здесь жила и работала. Русская, конечно, является. Для меня.

Участник 2: Я считаю, она часть. Конечно. Да.

(ж, 50, ж, 66, 1-й Хомустахский наслег, РСЯ)

Удовлетворяют ли критериям «приобретенного» членства «органические» члены российского общества?

Таким образом, членство в российском обществе бывает «органическое» и «приобретенное» и, если в «приобретенном» членстве также может быть отказано, лишиться «органического» членства можно только в экстраординарных случаях. Но можно ли говорить о том, что все люди, имеющие «органическое» членство, также удовлетворяют условиям «приобретенного»? Здесь кроется парадокс. Некоторые критерии действительно как будто бы удовлетворяются по факту рождения (например, знание культуры), некоторые (в частности, соблюдение законов и правил общежития) очевидно

соблюдаются не всеми членами, однако это для членства, как оно вообщается информантами, неважно — преступники и хулиганы являются частью российского общества, просто не очень «добропорядочной». И это еще одно указание на то, что «органическое» членство действительно обладает иной природой, нежели «приобретенное». Однако эти критерии — применительно к «органическим» членам российского общества — имеют частью характер неформальной нормативности, частью — оказываются предметом пристального внимания, если совершается «предательство» или же комплект критериев первого ряда вызывает сомнения. В частности, членство в российском обществе может быть поставлено под сомнение, если человек одновременно квалифицируется в качестве нерусского, его преимущественный круг общения за границей, и он имеет гражданство другой страны.

Институт гражданства как производная от представлений о членстве в обществе

Последним действием необходимо обсудить «гражданство» и позицию этого критерия среди других критериев членства в российском обществе. Казалось бы, — вот он, пусть и формализованный, но понятный критерий, к которому теоретически можно было бы свести все остальные критерии. Но информанты указывают «гражданство» как лишь один из критериев, но этот критерий далеко не единственный и в большинстве случаев он не является ни решающим, ни даже сколько-нибудь значимым. Вот редкие примеры того, как он ставится во главу угла: *«Ну, в принципе, если хочешь быть, хочешь быть частью, ты, разумеется, захочешь гражданство. Я думаю, сначала гражданство, потом частью. Я думаю так, да и то, это уже должно быть...»* (м, 63, Ирбит, СО).

Однако в большинстве случаев, если он упоминается, упоминается он в таком ключе: *«Можно быть гражданином какой-то страны по паспорту, но по духу ты можешь быть кем угодно. То есть, может быть, я в душе француз, откуда я знаю»* (м, 45, Переславль-Залесский, ЯО).

Тем не менее — результаты, изложенные выше, как будто описывают концептуальную основу, институт гражданства — в России и в других странах. Гражданство в большинстве стран приобретается или по факту рождения у граждан страны (в некоторых случаях — на территории страны), или посредством «натурализации»; «натурализация» — непростой процесс, в рамках которого надо пройти некоторое количество «испытаний»; более того — приобретенного гражданства проще лишиться. И здесь, переходя к дискуссии, можно предположить, что именно коллективные представления о членстве в обществе выражаются в институте гражданства, а не институт гражданства оказывается источником представлений о членстве в обществе. И именно эти представления — в той мере, в какой этничность на глобальном уровне — это классификация по нациям, а также в той мере, в какой они в такой логике

редко исследуются, — требуют первоочередного внимания. Как и за счет каких теоретико-методологических инструментов это может быть сделано, — будет описано в разделе «Дискуссия».

Заключение

Анализ интервью и фокус-групп позволил показать, что существуют устойчивые, воспроизводящиеся представления о членстве в российском обществе. Можно предположить, что эти представления являются фрагментом более широкой классификаторной картины, которая может быть описана следующим образом: все человечество делится на нации, они же общества, состоящие прежде всего из людей, «родившихся» в этих обществах, но также и из людей, перешедших из одного общества в другое. «Доступ» к этой картине люди получают посредством *imaginaries*, связанных с глобальным разнообразием (карта мира, чемпионат мира по футболу, и проч.), о которых в данной статье речь не идет, а также посредством интуиций, связанных с «российским обществом», «российской нацией» и прочими подобными конструктами, в отношении которых существуют представления о членстве и которым и посвящена данная статья. Резюмируя и продолжая эту мысль на языке исследований этничности «после когнитивного поворота», нации — это вернакулярный инструмент воображения этнических различий на глобальном уровне; нации рядоположены одна другой и образуют классификацию; существуют устойчивые представления о членстве в нациях, и эти представления — применительно к конструкту «российское общество» — были изучены. Впрочем, то, насколько представления о российском обществе — это действительно органический компонент этой — глобальной — картины (а не устроен ли «ландшафт» воображения иначе, менее линейно и просто) — это эмпирический вопрос и тема для более широкого исследования инструментов воображения разнообразия на глобальном уровне.

Важно, кроме того, вписать это исследование и описанный ракурс в литературу, посвященную гражданству. Исследования гражданства, фокусируясь на складывании соответствующего института [Magnette 2005] и пытаясь «разгадать» его логику, имеют и «вернакулярный» компонент, который касается соотношений между национальными конструктами и формальной категорией гражданства [Clarke 2014]. Выводы этих исследований в целом совпадают с периферийными выводами этого исследования — согласно им, гражданство действительно коррелирует с представлениями простых людей об общности, которая очерчивается этим институтом. Параллельный поток — прежде всего исторических — исследований касается того, как институт гражданства поддерживает интенсивно национализировавшийся последние 100 лет глобальный порядок [Glenn 2000]. Исследований же, в которых этот порядок изучался бы как перманентная категоризация людей, территорий и прочих явлений по национальной,

а фактически — этнической принадлежности, а гражданство бы исследовалось как инструмент осуществления этой классификации — насколько известно, до настоящего времени не проводилось. Вместе с тем гражданство является важным инструментом воображения различий на глобальном уровне и поддержания глобального порядка. И в той мере, в какой залогом существования глобального порядка являются способы его поддержания локального уровня, вернакулярные представления о членстве в национальных общностях/обществах являются важной темой для исследования.

Поступила в редакцию / Received: 02.11.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 28.11.2023

Принята к публикации / Accepted: 15.03.2024

Библиографический список

- Бергер П.Л., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. Е. Руткевич. М.: Медиум, 1995.
- Варшавер Е.А.* Интеграция мигрантов через призму конструктивистского подхода к этничности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 2. С. 377–396. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-377-396>.
- Геллнер Э.* Нации и национализм / пер. Т.В. Бердиковой и М.К. Тюнькиной, под ред. И.И. Крупника. М.: Прогресс, 1991.
- Дробижева Л.М.* Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 37–50. <http://doi.org/10.31857/S013216250009460-9>
- Тишков В.* Российский народ и национальная идентичность // Россия в глобальной политике. 2008. Т. 6, № 3. С. 135–142.
- Anderson B.* Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism. London, New York: Verso, 2006.
- Barth F.* Ethnic groups and boundaries: The social organization of culture difference. Long Grove, Illinois: Waveland Press, 1998.
- Bourdieu P.* Cultural reproduction and social reproduction // Knowledge, Education, and Cultural Change. London, New York: Routledge, 2018. P. 71–112. <http://doi.org/10.4324/9781351018142>
- Brubaker R.* Ethnicity without groups. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2006. <http://doi.org/10.2307/j.ctv1nnwhvg>
- Brubaker R., Loveman M., Stamatov P.* Ethnicity as cognition // Theory and Society. 2004. No. 33. P. 31–64. <http://doi.org/10.1023/B:RYSO.0000021405.18890.63>
- Clarke J., Coll K., Dagnino E., Neveu C.* Imagining the ‘communities’ of citizenship // Disputing Citizenship. Bristol, Chicago: Policy Press, 2014. P. 107–168. <http://doi.org/10.2307/j.ctt9qgzqg>
- Constructivist theories of ethnic politics / ed. by K. Chandra. Oxford, New York: Oxford University Press, 2012. <http://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199893157.001.0001>
- Glenn E.* Citizenship and inequality: Historical and global perspectives // Social Problems. 2000. Vol. 47, no. 1. P. 1–20. <http://doi.org/10.2307/3097149>
- Insin E.F., Turner B.S.* Citizenship studies: An introduction // Handbook of Citizenship Studies. London: Sage, 2002. P. 1–10. <http://doi.org/10.4135/9781848608276>

Magnette P. Citizenship: The history of an idea. Colchester: ECPR Press, 2005.

Mead G.H. Mind, self and society from the standpoint of a social behaviorist. Chicago: University of Chicago Press, 1934.

Smith A.D. The ethnic origins of nations. Oxford: Blackwell Publishing, 1986.

The invention of tradition / ed. by E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2012. <http://doi.org/10.1017/CBO9781107295636>

Wimmer A. Ethnic boundary making: Institutions, power, networks. Oxford, New York: Oxford University Press, 2013. <http://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199927371.001.0001>

Wimmer A., Glick Schiller N. Methodological nationalism and beyond: nation–state building, migration and the social sciences // *Global Networks*. 2002. Vol. 2, no. 4. P. 301–334. <http://doi.org/10.1111/1471-0374.00043>

Сведения об авторах:

Варшавер Евгений Александрович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики ИПЭИ РАНХиГС, руководитель Группы исследований миграции и этничности, доцент Национального исследовательского университета Высшая школа экономики (e-mail: varshavere@gmail.com) (ORCID: 0000-0002-5901-8470)

Иванова Наталия Сергеевна — магистр социологии, научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики ИПЭИ РАНХиГС, ведущий исследователь Группы исследований миграции и этничности (e-mail: nataliya.ivanova.0709@gmail.com) (ORCID: 0000-0002-1140-2334)

Егорова Татьяна Дмитриевна — магистр международных отношений, исследователь Группы исследований миграции и этничности (e-mail: egorovatatianad@gmail.com) (ORCID: 0000-0003-0192-7062)